

Объ извѣстїи Богдана Хмельницкаго московскому царю.

(Окончаніе *)

Въ прошломъ фельетонѣ мы замѣтили, что историки наши совершенно невѣрно смотрятъ на участіе Хмельницкаго въ войнѣ Рагоци съ польскимъ королемъ. Указали также и на то, что нѣкоторые уже прежде извѣстные источники, какъ, напримѣръ, лѣтопись „Самовидца“, передаютъ объ этомъ иначе, чѣмъ говорится въ разныхъ историческихъ трудахъ. Теперь расскажем объ участіи войска Хмельницкаго въ войнѣ Рагоци съ польскимъ королемъ и о бунтахъ казаковъ на основаніи дневника дворянина Желябужскаго.

Желябужскій, будучи посланъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ письмомъ къ Рагоци, съ самаго выѣзда изъ Москвы 1-го іюля 1657 года записывалъ все, что видѣлъ и слышалъ во время своего путешествія къ трансильванскому князю. Поэтому свѣдѣнія, находящіеся въ его дневникѣ, представляютъ для насъ въ настоящемъ случаѣ особый интересъ и справедливость которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

24-го іюня Иванъ Желябужскій прїѣхалъ въ Стародубъ. Здѣсь явился къ нему стародубскій войтъ, который при разговорѣ, между прочимъ, говорилъ послу: „Мы думали, что казаки пошли воевать по государеву указу, а теперь оказывается, какъ говорятъ торговые люди, что Рагоци воюетъ Польшу съ цѣлью сдѣлаться польскимъ королемъ, а казаки войска запорожскаго помогаютъ ему достать польскую корону, а поляки хотѣли быть подъ государевою рукою“.

Если Богданъ, какъ мы выше говорили, не рѣшился сказать правду своимъ казакамъ, посылая ихъ на помощь Рагоци, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ стараться скрыть свои намѣренія отъ московскаго царя. Поэтому, когда Желябужскій прибылъ на Украину и старшины казацкіе узнали о цѣли его посольства къ Рагоци, то ему стоило большихъ трудовъ, чтобы узнать, гдѣ нахо-

дится Рагоци и казачье войско; на подобные распросы посла старшины отвѣчали или незнаемъ, или просто говорили неправду. Кромѣ того они старались и другими способами затруднить путь московскому послу, напр., не давали ему провожатыхъ и не указывали прямой дороги. Тѣмъ не менѣе, благодаря рассказамъ мѣщанъ и торговыхъ людей, Желябужскій уже 10-го іюля достигъ казачье войско, находящееся подъ начальствомъ гетманскаго сына Юрія (который не задолго предъ тѣмъ былъ избранъ преемникомъ отцу и уже назывался гетманомъ).

Богданъ послалъ Рагоци двѣ вспомогательныя арміи—одну подъ начальствомъ полковника Антона Ждановича, которая соединилась съ нимъ еще зимою, а другую, состоящую изъ 20 т. казаковъ, онъ отправилъ послѣ подъ начальствомъ Юрія.

Желябужскій достигъ гетманскаго сына недалеко отъ мѣстечка Капустино. Не доѣзжая до его лагеря, онъ послалъ гонца объявить ему, что ѣдетъ съ государевою грамотою къ Рагоци и просилъ указать, гдѣ находится послѣдній и полковникъ Антонъ и дать ему къ нимъ провожатыхъ. Вскорѣ отъ Юрія явился къ Желябужскому казакъ съ такимъ отвѣтомъ: „Ни про Рагоци, ни про Антона подлинныхъ вѣстей нѣтъ; гетманъ провожатыхъ не дастъ и велѣлъ проводить его въ Корсунь; а когда узнаютъ про нихъ, то извѣстятъ объ этомъ и тогда дадутъ провожатыхъ“.

Но Юрій говорилъ неправду: онъ самъ въ это время шелъ на соединеніе съ Рагоци, который двигался отъ Львова къ Межибожу, преслѣдуемый поляками и татарами. Какъ бы то ни было, а Желябужскій волей-неволей долженъ былъ отправиться назадъ и 12-го іюля прибылъ въ Корсунь, чтобы ожидать вѣстей отъ Юрія. На другой день туда пришли три казака изъ войска Антона, которые говорили Желябужскому, что полковникъ ихъ вмѣстѣ съ Рагоци, по письму Богдана, идетъ къ Каменцу. Черезъ нѣсколько времени въ Корсунь прибыло еще нѣсколько казаковъ изъ того же войска. Они подробнѣе объяснили московскому послу то, что случилось въ

то время съ Рагоци и Антономъ. „Поляки, говорили они, на разныхъ переправахъ побили много войска Рагоци, а войско Антона разошлось“. На вопросъ Желябужскаго, по какой причинѣ они разошлись, казаки отвѣчали: „мы довѣдѣлись, что Антонъ помогаетъ Рагоци добывать польскую корону, а потому мы взбунтовались и хотѣли даже убить Антона“.

Изъ этого рассказа мы видимъ, что полковникъ Антонъ оставилъ трансильванскаго князя не ко приказанію Богдана, а вслѣдствіе бунта казаковъ, которые узнали объ обманѣ ихъ старшиною.

Одинъ священникъ, находившійся при войскѣ Антона, говорилъ также Желябужскому, что казаки взбунтовались потому, что не хотѣли безъ государева указа воевать Польшу. Посолъ, между прочимъ, спросилъ его: „гдѣ теперь Антонъ и какое ему будетъ наказаніе отъ гетмана за то, что онъ помогалъ Рагоци безъ государева указа?“ Священникъ отвѣчалъ: „Антонъ теперь въ Чигиринѣ и гетманъ хочетъ его повѣсить, но не за то, что онъ помогалъ Рагоци, а напротивъ за то, что выдалъ послѣдняго, мало помогъ ему; но Антонъ, продолжалъ священникъ, оправдывается тѣмъ, что войско его самовольно разбѣжалось“.

Въ справедливости этихъ рассказовъ мы не можемъ сомнѣваться, они подтверждаются свидѣтельствомъ и самаго Антона Ждановича. Послѣдній, встрѣтивъ Желябужскаго въ Кіевѣ, спросилъ: „какой есть у него указъ отъ государя?“ Желябужскій отвѣчалъ, что онъ имѣетъ отъ государя указъ о томъ, „чтобы тебѣ отстать отъ Рагоци и шведовъ,—что вы безъ царскаго указа взяли Люблинъ и Брестъ и шли уже на великое княжество литовское.“ Ждановичъ на это сказалъ: „я соединился съ Рагоци по приказанію самаго Богдана Хмельницкаго, который велѣлъ мнѣ слушать его и ни въ чемъ изъ воли его не выступать; а потому мнѣ отступить отъ Рагоци было нельзя, когда онъ сошелся съ шведскимъ королемъ. Гетманъ писалъ мнѣ, продолжалъ Жда-

новичъ, чтобы я былъ при Рагоци безотлучно; и войска со мною было 12 т.“ Затѣмъ Желябужскій спросилъ у него: „чего гетманъ искалъ отъ поляковъ?“—полковникъ отвѣчалъ: „чаю де, то государю вѣдомо, для чего меня гетманъ посылалъ къ Рагоци и чего добивался Рагоци, а если про то государю невѣдомо, то я нынѣшнему государю объявлю: все въ тѣ поры поневоли мы крестное цѣлованіе нарушили и мысли гетманской ему государю не объявили, опасаясь гетмана. Послалъ меня гетманъ къ Рагоци и велѣлъ добывать ему польское королевство, потому что у гетмана съ Рагоци былъ такой договоръ: добывши корону польскую Рагоци, быть имъ въ соединеніи съ волохами и мультами и съ гетманомъ; гетманъ же отъ государя рѣшилъ отступить. А вѣдали ту мысль мы съ полковниками, но войско того не вѣдало. А какъ де войско, которое было со мною, про то узнало, что Рагоци добываетъ польское королевство, и войско хотѣло меня убить за то, а само ушло, говоря: намъ при Рагоци не бывать и короля намъ не надобно; у насъ де есть государь! А нынѣ, говорилъ Ждановичъ, полковники на меня пощутъ и взваливаютъ на меня всю вину и хотятъ меня погубить, какъ будто бы мною совершалось то дѣло и какъ будто я ходилъ въ походъ своимъ изволеніемъ, а у меня есть гетманскіе листы; да только бы я своимъ изволеніемъ пошелъ, чтобы меня послушалъ изъ войска?!“

На вопросъ Желябужскаго, почему никто изъ полковниковъ, видя такое страшное дѣло со стороны гетмана, не объявилъ государю, Ждановичъ отвѣтилъ „противъ гетмана говорить мы не смѣли, а кто де и молвилъ и тотъ живъ не былъ; а потому мы и не посмѣли объявить государю“.

Рассказъ этого полковника заслуживаетъ особеннаго вниманія историка. Ждановичъ былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ казацкихъ старшинъ къ Богдану Хмельницкому; его гетманъ посылалъ нѣсколько разъ въ качествѣ посла къ польскому королю и турецкому султану; ему же онъ поручилъ самую важную задачу—добыть Рагоци польскую корону. Онъ имѣлъ возможность знать самыя со-

кровенныя планы своего гетмана, а потому правдивость его разсказа не подлежитъ сомнѣнію.

Изъ этого же разсказа мы видимъ, какъ широки и затѣйливы были планы знаменитаго гетмана! Онъ хотѣлъ составить федеративный союзъ изъ Малой-Руси, двухъ господарствъ и трансильванскаго княжества подъ протекціей польскаго короля; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ отступить отъ московскаго царя: Москва, говорилъ онъ, груба и жить съ нею невозможно!

Но народъ не сочувствовалъ его замысламъ, выполненіе которыхъ сопряжено было съ безконечными войнами; народъ украинскій желалъ мира, желалъ отдохнуть послѣ десятилѣтней борьбы съ поляками и ему казалось, что подъ московскою протекціей этого несравненно легче достигнуть, чѣмъ подъ протекціей польскаго короля. Притомъ соединиться снова съ поляками, своими прежними тиранами, на борьбу съ которыми столько было потрачено силъ и пролито крови—для народа было дѣломъ ужаснымъ и преступнымъ! Вотъ гдѣ кроется причина того, почему казаки взбунтовались противъ своего начальника и въ рѣшительную минуту оставили Рагоци.

Бунтъ войска Антона Ждановича не былъ единичнымъ явленіемъ, которое можно было бы объяснить какими-нибудь посторонними, случайными причинами; выразившійся въ немъ протестъ казаковъ противъ замысловъ своего гетмана согласовался съ общимъ настроеніемъ народа. Тоже самое, и вслѣдствіе однихъ и тѣхъ же причинъ, произошло и въ войскѣ, находившемся подъ начальствомъ гетманскаго сына Юрія. Объ этомъ подробно рассказываетъ очевидецъ—тотъ же самый московскій посолъ.

Еще будучи въ Корсунѣ, Желябужскій обратился къ самому Богдану съ просьбой указать мѣсто пребыванія Рагоци и дать ему провожатыхъ къ послѣднему. 17-го іюля изъ Чигирина прибылъ въ Корсунь гетманскій гонецъ и отъ имени гетмана объявилъ послу, что проѣхать къ Рагоци нельзя и самъ Богданъ не знаетъ, гдѣ онъ теперь находится. Но такъ какъ казаки изъ войска Антона, проходившіе чрезъ Корсунь, еди-

* См. газ. „Южный Край“, № 613-й.

погласно говорили, что Рагоци стоит лагеремъ подъ Межибожемъ, то Желябужскій и отправился туда 18-го іюля.

Не добѣзая 35 верстъ до Межибожа, Желябужскій снова наткнулся на войско Юрія и снова обратился къ нему съ прежнею просьбою — проводить его къ Рагоци. Но Юрій, вмѣсто отвѣта, приказалъ ему слѣдовать за своимъ войскомъ. Однако присутствіе московскаго посла, какъ видно, стѣсняло казацкаго начальника и потому послѣдній рѣшился снова прогнать его. Когда войско остановилось лагеремъ около наливайковскаго брода, Юрій призвалъ въ свой шатеръ Желябужскаго. Полковникъ Григорій Миргородскій встрѣтилъ его такими словами: „зачѣмъ ты въ другой разъ пріѣхалъ въ лагерь, не получивъ вѣстей отъ гетмана?“ Посоль отвѣчалъ: „я получилъ подлинныя вѣсти о томъ, что Рагоци стоитъ подъ Межибожемъ, а потому и отправляюсь туда.“ На это полковникъ сказалъ ему, что дѣйствительно Рагоци былъ подъ Межибожемъ дня три тому назадъ, но теперь ушелъ и неизвѣстно куда. Однако московскій посоль оказался слишкомъ настойчивымъ и слишкомъ хорошо зналъ свою службу, чтобы удовлетвориться этимъ отвѣтомъ и отказаться отъ поиска въ трансильванскаго князя. „Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ полковнику, проводите меня въ Польшу и я оттуда поѣду въ Трансильванское княжество, а если Рагоци находится въ плѣну у поляковъ, то тамъ его увижу“.

Послѣ такого рѣшительнаго заявленія, Юрій и полковники имѣли между собою совѣщаніе о томъ, какъ поступить относительно требованія московскаго посла. Наконецъ, къ Желябужскому пришелъ казацкій полковникъ и отъ имени гетмана объявилъ ему. „Рагоци теперь сидитъ въ осадѣ отъ ляховъ и татаръ; ляхи хотятъ взять съ него деньги и отпустить, но орда не соглашается съ этимъ и желаетъ захватить его въ плѣнъ, чтобы отослать къ турецкому цесарю. Завтра, говорилъ полковникъ, гетманъ идетъ воевать Польшу, а потому тебѣ идти къ Рагоци нельзя“.

Этимъ и окончились усилія московскаго посла

пробраться къ трансильванскому князю. Въ тотъ же день Желябужскій покинулъ казацкій лагерь; но отъѣхавъ немного, онъ снова остановился, чтобы узнать—куда пойдетъ Юрій. Но въ это-то время и произошелъ бунтъ въ казацкомъ войскѣ.

„22-го іюля, рассказываетъ Желябужскій, гетманъ Юрій велѣлъ всѣмъ казакамъ сниматься со стана и идти воевать Польшу. Но казаки изъ всѣхъ полковъ пришли къ гетману многими людьми и такимъ образомъ говорили ему и полковникамъ: выслали вы насъ оберегать отъ орды государеву украину, а нынѣ велите идти воевать Польшу. Идти намъ, кричали казаки, нельзя безъ государева указа; войско Антоново уже растеряли! Какъ Антонъ высылалъ войска и въ то время сказалъ, что посылаетъ по государеву указу, а на самомъ дѣлѣ шелъ на помощь Рагоци добывать ему королевство, такъ и теперь идете вы не воевать короля, а искать Рагоци и оборонять его отъ биды. А намъ король не надобенъ; у насъ есть государь, которому мы и крестъ цѣловали“.

Эти грозные крики казаковъ вызвали Юрія на крайнюю мѣру: онъ собралъ около своего шатра начальныхъ и приказалъ имъ бить бунтовщиковъ, чтобы отогнать ихъ отъ шатра и силою заставить идти въ походъ. Но Юрій не былъ похожъ на своего отца, который въ подобныхъ случаяхъ своею гетманскою булавою разгонялъ толпы мятежниковъ. Казаки закричали на своихъ начальниковъ: „все войско не бейте и напрасно все то говорите; государева указа воевать Польшу нѣтъ! Мы крестъ цѣловали государю, а по сіе время служимъ на васъ и въ нашихъ головахъ корысть себѣ получаеме. А теперь мы желаемъ служить тому государю, которому цѣловали крестъ. *Вашу же правду къ государю мы теперь разсмотримъ: какъ было вамъ тѣсно отъ ляховъ, въ то время вы приклонились къ государю, а какъ за государевою обороною увидѣли себѣ просторъ и многое владѣнье и обогатились, такъ теперь хотите быть самовластными господами и выбираете короля невѣрнаго!* А намъ мимо государя, которому мы крестъ цѣловали, король не надобенъ и отсюда безъ государева указа воевать негдѣ!“.

Прибавлять что-нибудь къ этому разсказу очевидно мы считаемъ лишнимъ; онъ самъ за себя говоритъ многое. Видно, что низшіе казаки хорошо понимали стремленія и замыслы своихъ старшинъ, когда говорили послѣднимъ, что они ихъ головами только себѣ корысть получаютъ. Не разъ казаки и прежде говорили Богдану, что онъ только себя да старшину вызволяетъ, а о войскѣ не радѣетъ!

Накричавшись вдоволь, большая толпа казаковъ удалась отъ гетманскаго шатра и подошла къ Желябужскому съ такими словами: „ѣздишь ты къ царскому величеству, извѣсти государя, какую мы нужду терпимъ отъ своихъ старшинъ, да и то, что слышимъ теперь, почему мы безъ государева указа въ Польшу не идемъ“.

Для казацкой старшины было слишкомъ неприятно, что московскій посоль былъ свидѣтелемъ этого бунта казаковъ и самъ выслушалъ жалобу послѣднихъ. Поэтому Юрій немедленно прислалъ къ нему войскового писаря Захарку Харина съ приказаніемъ, чтобы онъ уѣзжалъ отъ лагеря не мѣшкая. „Въ войскѣ нашемъ сталъ несоюзъ, говорилъ посланный Желябужскому, гетманъ прислалъ провожатыхъ двухъ казаковъ и велѣлъ тебѣ ѣхать въ Чигиринъ“. Того же числа московскій посоль, не дожидая повторенія приказанія, уѣхалъ отъ казацкаго войска.

Когда онъ (на пути къ Чигирину) остановился въ мѣстечкѣ Бузункѣ, то сюда 26-го іюля прибыли казаки, разбѣжавшіеся изъ стана Юрія и говорили ему, что войско Рагоци все побито, а его самого съ немногими людьми ляхи увели, но куда, неизвѣстно. Впослѣдствіи одинъ чернецъ, находившійся при маршалкѣ Любомирскомъ, который вмѣстѣ съ другими пачами дѣйствовалъ подъ Межибожемъ, рассказывалъ Желябужскому: „Поляки, получивши деньги съ Рагоци, выпустили его изъ засады, но татары нагнали его на польской границѣ, перебили остальное его войско и захватили обозъ, хотя самъ Рагоци успѣлъ спастись отъ плѣна и благополучно возвратился въ свое княжество“.

Такимъ образомъ, молодой Хмельницкій, благодаря бунту своего войска, не успѣлъ выручить

Рагоци. Бунтъ произошелъ 22-го іюля, а Рагоци 23-го числа этого же мѣсяца сдался полякамъ на капитуляцію. Такъ печально окончились замыслы знаменитаго Богдана и трансильванскаго князя Рагоци!

Богданъ Хмельницкій, будучи въ это время больнымъ, не перенесъ тѣхъ ужасныхъ вѣстей, которыя онъ получилъ одну за другою: послѣ извѣстія о бунтѣ войска Антона Ждановича, онъ услышалъ уже за два или за три дня до своей смерти и о бунтѣ казаковъ, находящихся подъ начальствомъ его сына Юрія. Тяжело было слышать старому гетману, что казаки прежде, по одному его мановенію, ходившіе на всякаго неприятеля, теперь отказываются повиноваться его приказаніямъ и не хотятъ воевать даже съ поляками.

Относительно дня смерти Богдана Хмельницкаго наши историки говорятъ различно: одни, какъ, напримѣръ, Б. Каменскій и Маркевичъ, на основаніи указаній украинскихъ лѣтописцевъ, считаютъ днемъ смерти Богдана 15-е августа, а другіе—Соловьевъ и Карновъ болѣе довѣряютъ показанію Выговскаго, который въ письмѣ къ путивльскому воеводѣ Зюзину говоритъ, что гетманъ „отошелъ отъ сего свѣта дня 27-го іюля“. Н. И. Костомаровъ сомнѣвается въ этомъ показаніи Выговскаго. Въ своей монографіи онъ такимъ образомъ говоритъ о днѣ смерти Богдана. „Лѣтопись Самовидца пишетъ, что гетманъ умеръ *о Успеніи Св. Богородицы*; согласно съ нимъ и другіе украинскіе лѣтописцы означаютъ днемъ смерти Богдана 15-е августа. *Вопросъ трудно разрѣшимый*. Само собою разумѣется, продолжаютъ онъ, что Выговскому были вполнѣ извѣстны обстоятельства этого событія; гетманъ, вѣроятно, испустилъ духъ въ его присутствіи. Съ другой стороны, трудно представить, чтобы день такого событія, которое потрясло всю Украину, не запечатлѣлся вѣрно въ памяти современниковъ“.

Въ показаніи Выговскаго сомнѣвается и Павлищевъ. Въ своемъ сочиненіи „Польская anarchia...“, изданномъ только четыре года тому назадъ, онъ указываетъ на 5-е (15 н. с.) августа, какъ на день смерти Богдана. Но въ примѣчаніи

онъ замѣчаетъ, что „дата эта означена имъ приблизительно по указанію польскихъ писателей, основывающихся на современныхъ лѣтописцахъ: Самовидца, Грондскаго и друг....“

Выговскій писалъ, что гетманъ умеръ 27-го іюля во вторникъ; но 27-е іюля въ 1657 году приходилось не во вторникъ, а въ пятницу, слѣдовательно *дата Выговскаго невѣрна*. Такимъ образомъ, я, говоритъ Павлищевъ, принимая дату 5-го августа, оставляю вопросъ открытымъ, а вопросъ стоитъ того, чтобы кто-нибудь потрудился разрѣшить его положительно“.

Но въ дневникѣ того же самаго Желябужскаго мы находимъ новыя данныя о днѣ смерти Богдана, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ справедливости показанія Выговскаго.

14-го августа, когда Желябужскій былъ уже въ Кіевѣ, прибылъ къ нему казакъ Прокофьевъ, который говорилъ, что „21-го августа будетъ въ Чигиринѣ съѣздъ полковниковъ и властей и будетъ избраніе новаго гетмана“. 2-го августа изъ Чигирина прибылъ въ Кіевъ полковникъ Антонъ Ждановичъ и говорилъ Желябужскому: „въ Чигиринѣ нынѣ *посла небожника* (покойника) *гетмана* приняли лицаго посла“. Но еще важнѣе для насъ свидѣтельство казака Григорія. Послѣдній пришелъ изъ Чигирина въ Кіевъ 31-го іюля и говорилъ Желябужскому, что „гетманъ Богданъ умеръ, а въ Чигиринѣ пришелъ польскій посоль Биѣвскій и принялъ его писарь; а тамъ въ Чигиринѣ послѣ смерти гетмана остались послы: шведскій, посоль Рагоци, турецкій и др.“ Такъ какъ казакъ Григорій выѣхалъ изъ Чигирина послѣ смерти Богдана, то принимая во вниманіе разстояніе Чигирина отъ Кіева и пріѣздъ этого казака въ Кіевъ 31-го іюля съ извѣстіемъ о смерти гетмана—мы можемъ заключить, что Выговскій въ письмѣ къ путивльскому воеводѣ Зюзину совершенно справедливо указываетъ на день смерти Богдана, то есть на 27-е іюля.

П. Буцинскій.